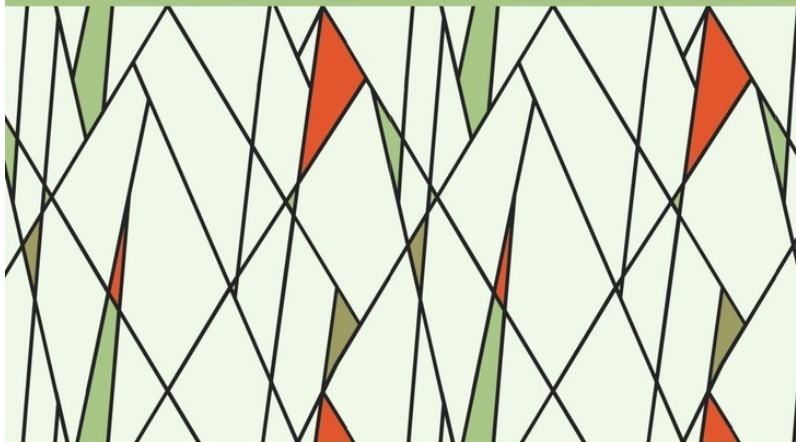

Людмила Зайкина

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

Том первый. Рассказы

Людмила Зайкина
Маленькие истории.
Том первый. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711061
ISBN 9785005081643*

Аннотация

«Маленькие истории» – духтомник. В первом томе: рассказы. Современная проза. Во втором томе: сказки для взрослых и стихотворения. Маленькие истории – они на самом деле маленькие и не займут много времени вашего внимания. Миниатюры о любви и жизни современников. Сказки для взрослых. Стихи. Юмор, с каким написаны многие произведения – заставят вас улыбаться. Ну и погрустить тоже имеет место.

Содержание

Маленький человек	5
Глава 1	28
Глава 2	32
Глава 3	35
Глава 4	38
Глава 5	40
Старушки-веселушки	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Маленькие истории

Том первый. Рассказы

Людмила Зайкина

© Людмила Зайкина, 2019

ISBN 978-5-0050-8164-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-8165-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленький человек

День для Пузырькова не задался с самого утра, погода навевала грусть и тоску. Небо заволокло серостью. Мелкий морозящий дождь, который вовсе нельзя было назвать дождём, скорее мрачной моросью, сыпавшейся с неба мелкими, холодными каплями; беспросветным настроением для Ивана Ивановича. Всё для него было негодно и омерзительно.

Был он не первой молодости, пред пенсионного возраста. Не выразительной внешности, с сединой на висках, редкие усики, из-под носа картошкой, свисали над полными губами. Зелёные глаза, с потухшим взглядом, смотрели с растерянностью и определённой грустью. Был скромн. Где бы он ни появлялся, всегда держался в сторонке, и это приводило лишь к тому, что его присутствие было незамеченным. До тех пор, пока он, прикрыв ладошкой рот, прокашлявшись, пытался вступить в разговор. Что приводило людей в некоторое недоумение и неловкость. Выслушав его полушёпот, кивали головой в согласи, и тут же продолжали беседу, игнорируя его. Мужчину огорчало такое отношение к себе безмерно и навивало мысль о ненужности, никчёмности, лишним в этой жизни и обществе. Видя и ощущая беспросветность и равнодушие, он замкнулся в себе.

Одетый в брезентовый плащ, капюшон которого нависал над бровями, прикрывая лицо от неприятной мороси. При-

сел на скамейку, стоявшую возле подъезда; обнял сучковатую палку метлы, уставился на кучу собранных им только что листьев, вспоминал то, что произошло в его жизни и изменило её.

После сокращения персонала, произошедшего в конторе, в которой проработал двадцать лет, оказался на улице. Неожиданно для него стал ненужным и обречённым на не востребованность в его услугах. Именно в услугах, как выразился главбух Филипп Филимонович. Вспоминал то что произошло и до сих пор угнетало:

Как в то роковое утро, переступил порог конторы, его встретила секретарша Настя, прижимая стопку бумаг к груди и с сочувствием глядя ему в глаза, сообщила пренеприятнейшую, для него весть, о том, что его ждёт Негодуев. К которому он незамедлительно и прошёл.

– Здравствуйте, Филипп Филимонович.

В нерешительности прикрыл дверь, сам же остался стоять возле неё, в ожидании, что на него обратят внимание и, в конце концов, пригласят пройти.

– Здравствуйте, Пузырьков, – и не глядя на него, перекладывая бумаги с места на место, сообщил:

– Иван Иванович, хочу вас уведомить, что наша контора не нуждается в ваших услугах.

– Но, как же, Фил...

– Прошу вас пройти в отдел кадров, приказ об увольнении уже там...

После двухнедельной отработки, оказался за воротами некой конторы. После продолжительных поисков нового места среди таких как он бухгалтеров, и не найдя желаемого, отчаялся.

На помощь пришёл сосед, работающий в ЖЕУ слесарем. Зашёл как-то к нему починить кран. Разговорились. Оказалось, есть вакансия – дворника...

А ведь он был неплохим бухгалтером, но, по его мнению, никто этого не ценил, хотя поручали самые сложные операции в бух учёте.

Как каждое утро, появляясь в конторе и идя по коридору, встречаясь с Негодуевым, за что ему было неловко, чуть ли не кланялся тому в приветствии. Пытаясь с ним поздороваться, но, как всегда, волнение сыграло с ним плохую шутку. Горло пересыхало. И приходилось прокашляться, прежде чем сказать хоть одно слово. Но Филиппу Филимоновичу было на это наплевать и он, не взглянув на него, уходил к себе в кабинет. Но, всё же, иногда главбух снисходил до своего подчинённого. Приветствовал, одаривал невидящим взглядом или смотрел в сторону, чуть выше его уха, пренебрежительно махнув головой и в тот же миг, отвернувшись, уходил. Но и этому Иван Иванович был рад.

Но больше всего его огорчала то, что сослуживицы, сидящие с ним в одном кабинете, друг к другу лицом и при этом умудрялись не замечать его присутствия. В один момент он решил показать, что и он чего-то стоит в обществе. «Они

ещё пожалеют, — думал мужчина: — что не замечают: его уникальности и прелестной внешности.

*Вспомнив эту историю, Иван Иванович тяжело вздохнул. Ещё больше сгорбился, лбом упёрся в палку метлы. Не замечая, что рядом с ним на скамейке уселся соседский кот, прижавшись к нему боком. Погрузился в воспоминания:

В выходной день, посетив местный вещевой рынок, обойдя ряды несколько раз он, в конце концов, нашёл то, что искал. Подойдя к прилавку, он долго смотрел на «Косуху» чёрного цвета с металлическими заклёпками и замками. Продащица, видя его нерешительность, спросила:

— Мужчина, вам подать курточку? Или вы ещё не определились. Какую желаете примерить?

На что он ответил, прокашлявшись в кулак, гордо вскинув вверх подбородок, указал в сторону куртки пальцем:

— Мне вот эту покажите...

Продащица, удивлённо взглянув на посетителя и переведя взгляд на куртку, удивлённо вскинув тонкие бровки, промолчала, но в ту же минуту, полкой с крючком на конце, сняла «Косуху», бросила на прилавок.

— Эту что ли? — в её голосе слышалось недоумение. Видя, как засуетился мужчина: — не торопитесь, вон в рукаве рука застряла. Вам помочь?

— Нет! — Дрожащими руками скинул с себя скромную, неопределённого цвета куртку, тут же влез в «Косуху». —

Ну, как? — не глядя на продавицу, — зеркало можно?
— Молодой человек, вы точно хотите эту куртку?
— Да! — «И, что она так удивляется? ... могу себе позволить... в молодости не носил...» — подумал он тогда.
И тут же добавил: — Зеркало будет или нет?

— Пренебреженно, — пробурчала девица, ставя перед ним зеркало. — Братъ будете?

Как же ему тогда нравился скрип застёгивающегося замочка на куртке. Музыка... — улыбнулся Иван Иванович.

— Заверните. Нет. В ней пойду. Сколько с меня?

— Три тысячи...

— Что? Три ты... — услышав о цене куртки, сердце мужичины тревожно забилося, — достав кошелёк и пересчитав деньги, он понял, что у него после покупки куртки, хватит до аванса с натяжкой и затягиванием ремня, на брюках, потуже. Но взглянув на продавицу, почувствовал неловкость и стыд. — А, была не была. — Махнув рукой и отсчитав нужную сумму, бросил деньги на прилавок, удалился. И тут услышал вдогонку:

— Во, даёт мужик... И на кой ему такая нужна? ...брюки к ней надо другие... «Косуха» всё ж!

«Дура баба! Ничего не понимает...»

Как ни странно, остался равнодушным к её словам. И был в довольстве от покупки, которую он считал, по-своему опять же уразумению, приятственной и подходящей под «не для чмошников». Засунув руки в карманы, он с гор-

дым видом шёл по рынку. Как же ему нравилось, что наконец-то на него обратили внимание...

Дальнейшее его просто возмутило, мужчина вскочил со скамейки. Выругался:

– Стервы... бездушные...

В понедельник, придя в контору и, к своему сожалению, никого не встретив в коридоре, в нерешительности замер возле двери своего кабинета. Но понимал, что долго так продолжаться не может. Пригладив редёющую шевелюру, помусляков палец, провёл им по усикам и в следующий миг решительно распахнул дверь.

В кабинете, как всегда, женщины прихорашивались. Наводили красоту. На чуть примятых лицах сияло выражение-сама серьёзность. Как будто они выполняли особо важное, государственное дело. Но при этом хвастались, как провели время в выходные. Не обращая внимание на него – стоявшего в дверях.

Видя такое равнодушие и безразличие к своей персоне, почувствовал не то что раздражённость или обиду – он был в панике. Неожиданно за ним захлопнулась дверь с таким грохотом, что все присутствующие вздрогнули.

Женщины с возмущением смотрели, в ожидании оправданий за столь не обдуманый поступок, который нарушил их идиллию.

– Приветствую, милые дамы..., – выкрикнул он, не обращая внимания на их совсем недобрые взгляды, видя, что

дамы вовсе не рады ему и не собираются здороваться, всё так, же смотрят на него и уже начинают поджимать губки. Добавил: – Ну не сердитесь... сквозняк...

– Что ж вы так кричите, Иван Иванович... – сказала Вера Николаевна. В её глазах появилось удивление, – О-о, да вы, как я погляжу, сегодня в обновке...

– И правда, – проговорила Зинаида Григорьевна, положив зеркальце в косметичку, которую незамедлительно спрятала в сумочку. – Прелестная курточка, Иван Иванович. Но я уже где-то видела точь-в-точь такую...

– Это «Косуха»... – почувяв, что его заметили, обратили внимание, решился на продолжение разговора. Он даже почувствовал некую радость от того, что с ним заговорили и не только по бух учёту. Три тысяч отдал... – слова его ушли в пустоту и радость была не продолжительна. Возможно сказать – мимолётна. Дальнейшее его очень огорчило.

Глянув единожды на куртку и при этом не обратив никакого внимания на того, кто в ней, Зинаида Григорьевна смотрела только на Веру Николаевну, которая так же как она не обращала внимание на него. Иван Иванович был для них пустым местом, он всегда задавался вопросом: почему к нему так относятся люди и не получал ответа. Женщины обсуждали, где могли видеть такую же куртку и где можно её приобрести, для своих сыновей, по более низкой цене...

*Иван Иванович вздохнул от таких нерадостных воспоминаний. Уселся на скамейку.

– Пузырьков, – вдруг услышал он, – не забудь убрать мусор в мешки и сложи на площадке возле мусорных ящиков. Скоро будет машина...

– Хорошо, Валентина Александровна, – равнодушно ответил он.

– Пузырьков, не заболел ли ты? – женщина склонилась над мужчиной.

– Все хорошо, не беспокойтесь. Я всё успею...

– Ну, хорошо.

– Заботливая, – глядя вслед уходящей женщине, прошептал он и тут же вновь погрузился в воспоминания о прошедшей жизни.

И в детстве он был незаметным, тихим мальчиком, как во дворе своего дома, так и в садике. В то время, когда сверстники бегали, играли, дрались, рыдали, от обиды, размазывали по щекам катившиеся слёзы, вперемежку с соплями, он сидел в песочнице, катал машинку или рисовал на асфальте разноцветными мелками, в полном одиночестве. А, если кто-то вдруг присоединялся к нему, то вскорости убегал, ища более весёлое занятие. Или компанию с кем можно было не только поиграть, но и подраться, в конце концов, что они и делали.

Воспитательница Ирина Николаевна и вовсе не раз забывала поднять его после дневного сна. Только нянечка Мария Константиновна накрыв стол к полднику и усадив деток кушать, проходила в спальню. Где и обнаруживала в крова-

ти, мирно посапывающего, Ванечку. Охая и ахая, будила его. Погладив по головке, торопливо одевала и тут же отправляла в туалет, проследив, чтобы он умылся, сопровождала к столу, где дети с удовольствием уплетали булки с кефиром...

Пузырьков встал со скамейки и стал собирать мусор, вперемишку с листвою в мешки. Но память рисовала картинки из прошлого.

Как в школе он был продолжением садиковского пребывания. Где его вновь и вновь игнорировали. Сидя на задней парте, за широкой спиной Вадьки Великанова, закрывающего его от глаз учительницы, он был часто ею незамеченным. Что приводило иногда её в волнение.

– А, где у нас Пузырьков?

Он тут же вскакивал.

– Надо тебя пересадить... – говорила она каждый раз, но всё оставалось по-прежнему.

Да и привык он уже быть незаметным и радовался тому, что всё остаётся только на словах. Как же он гордился, что наконец-то окончил школу. Физкультура подвела. Троечка была выставлена и то по просьбе классного руководителя. Физрук категорически был против ставить четвёрку.

– Какая четвёрка, Валентина Петровна, у него двойка... Тройка и точка.

Это его радовало, ибо не хотел опозориться перед Катей, к которой у него появилось волнующее чувство – лю-

бовь. Но, как ни старался расположить её к себе, ничего не получилось. Девочка к нему относилась пренебрежительно. Лишь однажды она всё же обратила на него внимание и то тогда, когда он оказался лежащим перед ней. Сколько он тогда испытал неприятных чувств. И виной тому был всё тот же Вадька Великанов.

Это случилось в классе шестом. Был он тогда мал ростом, непослушные волосы неопределённого цвета, из-под которых торчали чуть заострённые уши, за которые его, иногда, называли Эльфом. Что его вовсе и не обижало. Зелёные, будто выгоревшие на солнышке, глаза смотрели на всех удивлённо и безразлично. Не понимая: «... почему к нему так все относятся?» И это его волновало всю жизнь.

Только тогда в его взгляде появлялся таинственный огонёк, когда он видел Катьку. Была она, по его мнению, самой красивой девчонкой. Чего стоили ямочки на розовых щеках, когда она улыбалась или заразительно хохотала, при этом реснички, словно крылышки бабочки порхали над василькового цвета глазами. При встрече с ней он просто не мог отвести от неё взгляда. Так и случилось по этой причине неловкое положение, в котором он оказался...

В тот день, когда засмотревшись на Катю, он не заметил, как Вадька, хитро улыбаясь, подставил ему подножку. Он упал к ногам девочки. Тишину тут же нарушил хохот. Ему тогда и так было неловко, стыдно, больно... оказаться лежащим на полу, перед всеми... перед Катей... его

любимой..., подняв глаза на стоящую над ним девочку, он увидел, к своему ужасу, как она смеётся вместе со всеми. Вскочил. Убежал...

После этого случая он сторонился не только мальчишек, но и девчонок.

*Иван Иванович сложив мусор в мешки, сел на скамейку. Задумчиво смотрел на росшие, в палисаднике, Ирисы.

В институте он был не самым отстающим студентом. Можно сказать, шёл по успеваемости в середнячках. Учился старательно бухгалтерскому делу. Ну, уж бухгалтером он станет и всем докажет свою уникальность и профессионализм.

«Они ещё побегают... большинство не пришло на лекцию» – думал он тогда, склонившись над тетрадкой, о сокурсниках.

И они бегали за ним. Выпрашивали списать конспекты, которые он вёл безотрывно и старательно. И он, конечно, давал. Чувствуя при этом свою значимость, которая заканчивалась, как только ему возвращали тетрадь. Сказав ему: – Мерси.

Тут же забывали о нём. Подшучивали. Но по большому счёту обходили стороной и в свою компанию не брали. Девчонки и вовсе шептались, глядя на него:

– ...кому такой нужен. Ни кожи, ни рожи...

Но самое обидное было для него то, что сказала мать. И это он пронёс через всю жизнь.

— ... Это у него от нерешительности, — говорила мать отцу, как-то вечером сидя в кресле и с сожалением глядя на Ваню, — хорошо, что не идиот. Хотя, иногда, мне кажется..., — но увидев, как он в тот момент побледнел, замолчала...

*—Да, — прошептал Иван Иванович: — жизнь мимо прошла. А была ли? Может, существование...

Неожиданно острая боль пронзила грудь. Скрутила. Бросила на скамейку. Где он и ушёл незаметно из жизни, маленьким, ничем неприметным человеком.

Истории рассказанные Сидрычем *Рассказ первый.*

Пятница тринадцатое. Замечательный день. Любимый и неожиданный. Первое что приключилось, смех и грех. Заварил в чайнике чай. Скажете:

— Что такого? Все заваривают чай.

Есть здесь такое, что не все могут сделать. Я сделал.

Начну с описания заварного чайника. Стекланный, маленький — на пол литра, круглый с носиком, как у слона хобот, когда он тянется за бананом, изгибаясь, то есть буквой «г». Нет, он не такой большой. Ах, забыл сказать, что крышка пластмассовая, да и чайник не железный и не фарфоровый, стекланный облегчённый. Прикупил я его на местном рыночке за четыреста рубликов. Внутри чайника был

когда-то, дня три назад, маленький стаканчик-ситечко, для заварки, так вы поняли, что он был три дня назад, а сегодня его уже нет. Старый стал. Отдельно не продается, а ситечко на носик чайника, не купил. Вот не купил и все. Что и привело сегодня к происшествию.

Так вот: засыпал заварку, залил кипятком, прикрыл крышкой. Заварка в носик поднялась. Ну не хотелось в кружку её заливать. Дальше был кошмарrrrr. Взял в руки чайник, носиком к губам поднёс. Ну, вы наверно догадались для чего? Если нет. Расскажу. Только не смейтесь над моей глупостью и безрассудством. И никогда, слышите, никогда такое не делайте! Ну, вот значит: к губам носик поднёс и дунул, заварку вниз опустить решил таким способом. Ну, вы наверно догадались что произошло? Крышка приподнялась, и кипяток брызнул на губы и грудь... я, конечно, не растерялся, холодненькой водичкой примочил. Потом солью присыпал. Жгло. Но ничего этим все и обошлось. Волдырей не было. Губа, конечно, припухла, на груди красное пятно красуется. Я перед зеркалом верчусь, то на губу люблюсь, то на грудь...

– Ну, – думаю: – Все! На улицу ни ногой!

Нет же – вышел. А тут из-под машины кошачий вопль. Наклонился. А там – кот соседский. Черный как смоль на меня смотрит и орёт. Я на него крикнул, чтобы ушёл из-под машины. Долго мы с ним переговаривались. Да только надоело это мне. Пошел сосиску вынес – этим только и вы-

манил его. Вроде ничего плохого не произошло, сам прикормил. Но никогда он не был таким агрессивным в требовании еды. Раньше только под ноги кидался, терся. Сегодня же совсем иную тактику применил... Вернулся я домой. От греха подальше.

Рассказ второй.

Бедя не приходит одна. В пятницу тринадцатого, как вы помните, я в чайничек заварной дунул, губу обжог. Поделился с другом о том происшествии. Так он гад немного поржал. А потом вдруг стал серьёзным. На меня смотрит. Глаз не сводит. Вдруг ресничками хлоп, бровки домиком выстроил и говорит:

— Сидрыч, ты это того... — от волнения ручки его затряслись.

— Пантелеич, ты чего это вдруг затрясся то? Чего удумал?

— Сидрыч, — вскочил друг со стула, — ты хоть понимаешь, что ты гений. Дайка я на тебя гляну, — подбежал рассматривает меня, лыбится, губки расплылись, зубки поблёскивают коронками.

Я его таким ещё не видел.

— Ты че сдурел что ли! — Оттолкнул я его, у самого мысль: «Все пить больше не будет... не наливать... никак белочка припрыгала». Пантелеич, ты меня пугаешь, нена-

роком свихнулся! – крикнул я, отбирая у него из рук рюмку и бутылку, из которой он хотел себе налить водочки.

– Сидрыч, ты чего? Не хило! Надо за изобретение-то выпить...

Началась борьба меж нами за бутылку. Да только была тут ничья. Бутылка выскользнула из наших четырёх и хрясть на пол.

– Ну ты гад, Пантелеич, мало того, что дурь в голову ударила, так ещё и водки лишил...

Упал я на стул в огорчении, да раздражении.

– Ну, прости ты меня дурака, Сидрыч. Ведь я чё удумал. Ведь ты должен запатентовать свое изобретение!

– Какое такое изобретение?! – удивился я. – «Явно белочка уже мозги Пантелеича в оборот взяла». Но, то, что он мне предложил меня заинтересовало.

– Ты губы – то обжог? – спрашивает меня, сам загадочно улыбается.

– Ну?

– Бабы губы надувают всякой гадостью?

– Ну?!

– Что ну? Так они, какие деньжата платят всяким там хирургам пластическим. Вот как нашему Горымычу в прошлом...

– Причём тут Горымыч? Ничего не могу понять! Объясни!

Тут в дверь звонок. Открыл я, а там Горымыч:

— Легко на помине. Только о тебе вспоминали...

— Что это вы обо мне вспоминали? Спиртик наверно жалеете господ-товарищи?!

Пожав нам руки в приветствии, от него уже спиртным пахло, из-за пазухи достал бутылочку — грамм под двести, на стол поставил.

— Ну, так, что вам от меня треба?

Пантелеич тут же к делу приступил:

— Ты ж знаешь, что тринадцатого в пятницу произошло с Сидрычем? Губу свою обжог она и вздулась. Так я к нему с предложением: кинуть на хрен хирургов на бабки! Девкам губы подправлять будем... дешевле, правда. Куда нам до специалистов.

Тут наш Горымыч взъярился:

— Что? Вы, что тут одурели? Чего опились? — сам наклонился над осколками бутылки, принялся: — вроде водка, а несете — черт знает, что! Как это меня бросить на бабки?! — Выпрямился, на Пантелеича кинулся с кулаками. — Я тебе предложу сейчас провести фейсовую операцию!

Да с этими словами, как вдарит тому в нос. Пантелеич отлетел к стене. Видит ярость в глазах друга-хирурга, притворился беспмятным.

Горымыч ко мне обернулся, грозно смотрит. Буравит взглядом, того гляди: дым из ушей повалит да из ноздрей, покраснел лицом.

— И ты с этим согласен?

Сам брови сдвинул. Бутылочку в карман положил. Кулаки сжал, на меня пошел.

Ну, что мне оставалось делать? Тем более я и не понял совсем Пантелеича. Вот притворщик. Лежит. Заварил кашу, сам убег в бессознательное состояние.

— Ну, что ты, Горымыч, — виновато глянул я на него, — я ж ни сном, ни духом, о чем он там спьяну говорил. Хотя только по одной выпили, а его вон сразу прихватило. Белочка видно его в оборот взяла, слава богу, ты пришел. А то совсем ему кердык был бы. Ишь чего удумал бабам кипятком губки подправлять.

— Что?! — Горымыч, аж рот от удивления открыл, — так этим он хотел меня на бабки кинуть...

И вдруг расхохотался. Я на него смотрел в ожидании. Знаю его нрав: вот смеется, а тут вдруг психанет. Смотрю, пронесло. Присоединился к его веселью. Глядь Пантелеич зашевелился. Сел и давай ржать, как в ничём ни бывало.

Мы в удивлении на него смотрим. Не поймем, и такой страх за него случился, не белочка ли его ржать заставляет. Подошли к нему наклонились. Горымыч лоб его потрогал, к глазам руку протянул, Пантелеич оттолкнул. Сам остановиться не может, хохочет.

И вдруг проговорил:

— Пусть бабы бабки готовят... губы поправлять у хирургов... Не повезло тебе, Сидрыч, — друг у тебя хирург...

Ну, после этого мы друженько к столу прошли, за ми-

ровую выпили, и пошла у нас веселая беседа, правда уже об изобретении ни-ни...

Рассказ третий.

Иван Сидорович вел беседу, играя в домино со своим приятелем Николаем Константиновичем. Потягивая из бутылки пиво. Николай Константинович изредка бросал взгляд на друга, отвлекаясь от своих доминушек, заполнивших ладонь до отказа, зажатых пальцами, чтобы не дай Бог не рассыпались. Почти не слушал. Был увлечен игрой.

– Рыба! – вскрикнул неожиданно Иван Сидорович.

– Гадство! – недовольство Николая Константиновича выразилось стуком по столу доминушками. В раздражении стал собирать их в коробочку. – О чём ты там говорил? Слышал я, что ты только вчера возвратился из Стукалушкина? Как там? Что нового?

Иван Сидорович, помогая собирать доминушки, радостно сообщил:

– Хочу жениться...

– Как это? Ты ж зарёкся, что большие в семейность ни ногой! После твоей Лариски сухостойки... как ты с ней жил? Столько в ней агрессии, что не только на тебя хватало, но и нам перепало...

– Так это совсем другое, дорогой мой друг! – хлебнув пивка и чистя хвост воблы, довольно улыбнулся Иван Сидорович.

– Ну, тогда делись радостью. Моя вон дома ждёт... пи-
лить будет... хочется знать: какая тебя поразила красо-
той и прелестью... это должно быть что-то: «Ох, держи-
те меня!» – рассмеялся Николай Константинович.

– Слушай тогда, Константиныч. Не перебивай. Ты же
знаешь мои предпочтения в женской красоте, но тут в ра-
зы все пошло не так как мечталось. Такое Могло случить-
ся только в мечтах. В сновиденных грёзах. И никак я не мог
такое представить. И если бы мне сказали, что я на та-
кое поведусь, я бы спорил до умопомрачения. И могло дой-
ти до применения моего кулака, выскочившего неожидан-
но для моего оппонента, посмеявшего утверждать неприем-
лемое для меня. Моего любвеобильного сердца и открытой
для принятия, этой самой любви душой. Как большинство
и противоположного большинства я предпочитал дам с уз-
кой талией, бедрами пышности умеренной, чтобы в брючках
смотрелась, и желалось по ней хлопнуть, или снять где ни
будь в потаённом местечке, а грудки – чтобы насладиться
их прелестью, губки алые, мягкие да податливые, в общем,
не мечтать, а в реальности такую обнять да ласку пода-
рить и самому принять. Так нет, видно я для таких жен-
щин не принц на белом коне и даже не на кляче худосочной,
еле ноги передвигающей... ну подумаешь нос картошкой, ху-
дой, но ведь это не недостаток, зато ростом удался... чего
ещё надо бабам? Глаза красивые, зеленые, скуластенький...
ну так вот... с чего я начал, Коля? Слушай: я у на пути

в Стукалушикино. Красота неопиcуемая. Три км шёл пешком, от райцентра. Лесом, по тропинке, свежим воздухом наслаждался. В руках авоська с гостинцами. Сам знаешь: с пустыми руками в гости не ходят. Вот и я не пошёл. Иду веточкой мошку отгоняю, посвистываю. Как говорится, наслаждаюсь природой и воздухом чистым, аж голова закружилась. Видно все вредное из меня поперло. А тут вдруг в голове моей просветлело, глаза открылись, дышать стало легко, на душе легко. А тут вдруг слышу, кто-то стонет. Да так жалобно. Я и остановился. Оглянулся. Вижу: из кустов что-то округлое торчит, в синем. Шевелится, а стоны все сильнее и сильнее. Сначала меня оторопь взяла. Стою, как истукан. А тут мысль промелькнула: «Может человеку плохо, помощь нужна».

Подошел я, ветки над округлостью раздвинул, глядь – баба. И надо было мне на нее опереться. Сколько шуму было. Боже мой. Упала она. Я на нее. И вдруг тишина. Испугался я, что убил женщину. Кое-как встал. Сам понимаешь – нелегко. Надо было осторожно, чтобы не нанести увечья. Встал. Наклонился над дамочкой. Она вниз лицом лежит, стонет тихонечко. Помог я ей. Перевернул. Глядь. А это Клавка. Помнишь её. Толстухой обзывали в детстве. Глаза закрыты, грудь из-под кофточки видна, поднимается, опускается, да так заманчиво. Рука сама потянулась, чтобы остановить волнение. Да только слышу:

– Ванька, ты чего удумал. Моей беспомощностью решил

воспользоваться.

Ну, я растерялся, конечно, но глаз от груди не мог отвести. Она мне:

– Отведи зенки—то, бесстыдник.

Глянул на нее. Боже мой, Константиныч. Румянец во всю щеку, носик маленький, аккуратненький, средь пухленьких щечек, не жирных, пухленьких; губки – словно малиной прикрашены, и такой аромат от неё шел, тут уж не от воздуха дыханье перекрыло, от чувств. Руки сами к ней потянулись, схватил я её, да приподнять хотел. Блин, спину сорвал. Опять на ней оказался. Не поверишь, и вставать не хотелось, покидать такую роскошь...

Иван Сидорович мечтательно закатил глаза, вспоминая какое блаженство он испытал.

– Иван, ты чего? Говори, что дальше то было. Не уж-то там все и случилось?

– Что случилось? Ты, о чём это? – Возмутился Иван Сидорович, – она женищина порядочная. Зачем сразу—то? Потом... Ну ладно. Слушай дальше. Кое-как мы с ней разошлись по сторонам, лежим рядышком. Чую еще немного может случиться то – о чём я мечтаю. Но сдержался, хотя чувствовал, что и она на это готова... в детстве любила меня. Видел я это. Только не нравилась она мне. А тут... Вскочил, значит, я. Ей помог встать. Отряхнул от травинки.

– Спасибо, Вань, – улыбается она мне, – а то так и при-

илось бы мне тут торчать долго...

Я тогда не принял во внимание её слова. Но сейчас все знаю. Ну, стоим на тропинке, друг от друга глаз отвести не можем. Меж нами словно стрела была пущена, и обоих задела. А тут Кузьмич с пасеки возвращался. Вот мы с ним, на его телеге, и добрались до «Стукалушкина». Как же мне было жаль расставаться. А тут Клавочка мне медком моё огорчение присластила:

– Вань, приходи вечером на чаек. Посидим. Вспомним детство. Расскажешь, про жизнь свою.

– Клавочка, жди, – обрадовался, – буду вечерочком.

Тут и расстались в радости и согласии. Не буду тебе рассказывать, как прошёл день на сенокосе, да в улыбке при воспоминании о произошедшем, и в волнении от предстоявшего свидания.

Наконец возвратились с поля. В баньке помылся. Принарядился и к Клавочке пошёл. Боже мой. Как стал к её дому подходить, сердце так сильно забилося, что мне пришлось глубоко дышать, да руку к груди приложить. Не решился сразу зайти, в окошко заглянул. Сидела моя Клавочка за столом, прекрасная моя, царица. Стол сладостями уставлен, самовар сверкал зеркальностью, в которой я и объявился. Клавочку увидела, да обернулась ко мне.

– Не стесняйся, – говорит, – заходи!

Вот и случилась у нас с ней встреча, после которой я не мог уже оторваться от любушки моей. Сколько ласки да

*любви я тогда познал. За всю жизнь такого не было... Кла-
вочка меня всю жизнь любила. Ждала.*

*— Ванечка, — сказала она мне тогда, — долго ты шёл ко
мне. Не отдам тебя никому. Мой.*

*Да так обняла, что я почувствовал тогда такое, аж дух
захватило.*

*И я уже не мог стерпеть радость и счастье, что тут же
пообещал вернуться к ней.*

*Расставание было тяжелое. Плакала Клавочка. Да
и у меня слеза скатилась, когда сидя в автобусе, видел,
как она слезы платочком промакивала. Вот такая исто-
рия, Константиныч! Скоро я от вас уеду. А, забыл сказать.
Призналась она, как оказалась на моём пути. Я ведь пись-
мо брату за неделю прислал, что билет уже купил и буду
в такой-то день и в такой-то час к ним. Клавочка, все про-
считала. Какая женщина!*

— Счастливый ты, Иван Сидорович...

— Да повезло мне...

Не дай Бог кто на дороге приставать начнёт

Глава 1

– Врешь, не уйдёшь! – хихикала баба Мотя, давя на педаль газа, и обгоняя попутные машины. – Нет, дорогой мой, не уйдёшь! – вывернула руль и, выкатившись навстречку, – не зря же меня учил ездить... дальше сама без тебя научилась. Все с завистью смотрят на меня. Во водилы, какие на дороге ездют... ёшкина редька... в бок тебе вилы, что-делаешь-то, негодяй?! – объезжая встречную машину, баба Мотя покрутила у виска, – что? Недоросток, не видел женщину лучше тебя могущую вести машину. Чего глаза вытаращил? Не нравится машинка моя? Да езжай ужо, а то покажу, как может наша сесезоровская машинка бегать. О! Что это? Неужели вежливость на дороге случилась. Отстал, – баба Мотя обернулась на «отставшую» иномарку. – А-а понятно – не тянет! – хихикнула она, вдавив педаль газа в пол, её машинка мчалась по встречке. – Вот вам! Молодца! – хитро улыбалась она, видя, как машины разъезжались в разные стороны. – Вежливые какие. А где-внучок-то? Голодный ведь останется... а дорога долгая. Щи остынут, котлетки с картошечкой. – Баба Мотя нагнулась, пальчиком приоткрыла одеяльце, прикрывающее кастрюльки, – тепленькие уже стали. – Вдруг вздрогнула от раздавшегося неожиданно сигнала, выпрямилась, – ты чего, гад, делаешь?! – крикнула она проезжавшей мимо си-

ней ладе и, показывая кулак водителю, — ты, что по встрече гонишь, паразит?! Глаза вылупил, таращись, как баран на новые ворота! Не видишь: я еду. Тороплюсь. Ой, ты, Боже мой, красный горит! — резко затормозила, почти воткнув машинку в джип, из которого тут же выскочил верзила и завопил на всю улицу:

— Ты чего, бабка, творишь?! Мало того, что по встрече... вылазь давай, старая карга! — орал он, открывая дверцу машинки бабы Моти. Была борьба за дверцу, в которой выиграла баба Мотя. Мужик сопротивлялся, но видно не понимал на кого попал. Тут же огрёб монтировкой в лоб.

— Паразит! Не смей трогать мою машинку! — рука с монтировкой тут же исчезла за окном машинки бабы Моти.

А тут зелёный загорелся. Баба Мотя объехала джип и его, лежащего на дороге, хозяина, и тут же с места в карьер, машинка чуть ли не на дыбы встала. Хорошо, что другие водилы были вежливы. Пропускали, разъезжались в разные стороны, ещё и приветствовали звуковым сигналом и миганием фар. Мотильда Абросимовна была очень довольна этим, улыбалась, махала ручкой в открытом окне и так же приветствовала миганием фар.

Недолго продолжалось её довольство, увидела машину внука. Тот ехал по другой полосе, но в одном направлении с ней, и разговаривая по телефону выглянул из окна. Чуть аппарат переговорный из рук не выронил. Увидев машину по-

хожую на дедову. Съехав на обочину, резко затормозил.

– Боже! Баба Мотя?! – он почти высунулся из окна, махал ей рукой, – заметила, слава Богу, – вздохнул он, увидев, как та не останавливаясь и не снижая скорости, начала разворот, проехав через разделительную полосу, мчалась к нему. – Боже мой, и зачем я её только научил водить машину! – ворчал он. Вылез из машины и опершись на капот, ждал. – Что могло случиться? Неужели с дедом...

– Ой, Гришка, что ж ты умчался и обед не взял? – кричала баба Мотя, неся в руках кастрюли, завернутые в одеяло.

– Бабуля, ну что ты делаешь? Зачем? Я ведь мог на обед приехать, а ты...

– Не говори ничего, Гриша, мне хотелось свеж...

– И для этого ты нарушила все, что могла?! Как же ты сумела?! Что могло случиться?! Страшно подумать! Машину явно угнала?! Дед наверно ни сном, ни духом...

– Да не волнуйся ты так! На дороге все вежливые, пропускали... Кастрюльки-то возьми. В одеяло завернула, чтоб не остыли.

– Ладно... давай их сюда! – улыбнулся он. Поставив на сиденье и прикрыв дверцу, обернулся: – Я все равно в нашу сторону еду. Давай-ка я тебя провожу. Ты за мной поезжай...

Домой баба Мотя вернулась без приключений. Одно было огорчение: дед ругался, когда из ГИБДД пришёл штраф на немалую сумму.

Только баба Мотя не оправдывалась, ещё и ворчала в от-

вет:

– Фёдор, так надо было самому ехать! Я ж тебя умоляла... ты отказался категорически. Вот и пришлось приватизировать твою машинку... ты ж на ней почти не ездишь, стоит в гараже... ржавеет... видел бы ты как она мчится... всех обгоняла...

– Ну, что с тобой поделаешь, Мотя. Но, следующий раз без меня ни-ни...

После этого случая баба Мотя садилась за руль только в присутствии мужа и под его присмотром, но монтировку всегда ложила на колени, говорила:

– Не дай, Бог, кто на дороге приставать начнёт...

Глава2

– Алло! Кто это? Ничего не слышу... видела ж – что телефон красным блеснул, сигнал дал... тишина... странно.

– Бабушка, кто там? – спросил, подбежавший мальчишка лет семи, дергая ее за рукав.

– Ась? Ты чего меня дергаешь, баловник, и что только губами шевелишь? А-а, поняла: ты так играешь? Я должна по движениям губ понять, что говоришь. Ну давай, – баба Мотя наклонилась, – Игорек, показывай, что хочешь мне сказать. Что? Ничего не понимаю. Иди руки мой и будем завтракать, что ты тянешься к ушам? А-а... вот раззява, – рассмеялась она, увидев в руке внука ватку, и тут же освободила от такой же второе ухо.

– Бабушка, баба Настя мне на сотик звонила. Волнуется очень. Говорит, что с тобой беда случилась, ты оглохла старая карга и, что она орала тебе в трубку минут пять. Аж голос потеряла, теперь шепчет...

– Кто оглохла? Кто старая карга? Я тебя слышу...

– На! Она ждёт тебя...

Женищина выхватила телефон из рук Игорька:

– Алло! – проговорила она ележным голоском, но услышав только слабое шуриание в трубке, заволновалась, – Бог ты мой, Игорек, я ж ничего не слышу! Алло... алло... Настасья, я тебя не слышу! Оглохла?!

Мотильда Абросимовна бросила телефон на диван, села в, рядом стоящее, кресло.

– Игорек, скажи мне что-нибудь! – в голосе бабы Моти слышался страх и ужас из-за потери слуха. Вопросы жууж-жали как мухи: «Это что же происходит? Я не смогу водить машинку? И, как теперь жить-то?» – видя растерянность мальчика, приказала: – Говори!

Игорек, тут же выполнил приказ: подошел, наклонился над ней. Набрав побольше воздуха, выдохнул ей в ухо:

– Ба-бу-шка-а!

Баба Мотя аж подскочила в кресле, хлопнув себя по уху, возопила:

– Ты что, Игорек? Я не глухая... не глухая... не глухая! – вскочила с кресла, подхватила Игорька на руки, закружилась с ним по квартире. – Я не глухая! – ставя внука на пол, озабоченно спросила: – С Настасьей что?!?

– Бабулечка, я ж тебе сказал, что она голос потеряла...

– Так, срочно собираемся, Игорек, и едем к ней. Совсем забыла тебе ж на тренировку...

– Я могу и не ходить...

– Нет. Давай, быстренько хватай сумку и вперед! Я тебя провожу, а сама к Настасье...

– А завтракать?

– Иди завтрак на столе... и живет там человеку плохо! Как она без голоса?! – прошептала она.

Женщина наблюдала за внуком: как прошел в ванную, как

почистив зубы, умылся, вытерев лицо, прошмыгнул мимо неё в кухню, где тут же уселся за стол. И как она его учила: спина прямая, локти на стол не класть... Игорек смотрел на неё вопросительно – правильно ли он все делает и увидев, что она с одобрением улыбается, принялся за овсянку. Сколько он себя помнил, овсянка – это все. Каждое утро...

Глава 3

Баба Мотя меж тем, пока любимчик уминал кашу, переодевалась в любимую блузку цвета хаки, подаренную ей омоновцем, которому она помогла поймать убегающего преступника. Всё, что произошло тогда, плыло перед глазами:

...как мужик перебегает дорогу, ударив локтем ей в грудь, и не извинившись, решил продолжить свой замысловатый бег, но не тут-то было. Она! Мотильда Абросимовна была не из робких и спуска никому не даст. А было так:

Накрапывал мелкий дождь. Но она, выйдя из магазина и отойдя чуть в сторонку, собиралась открыть зонт. Это был зонт всем зонтам зонт. Старый, надежный, с длинной, загнутой ручкой – для удобства держания в руках.

Вот этим самым зонтом она и вернула мужика на место. Решение пришло молниеносно. Она даже (потом) сама удивлялась, как это все быстро произошло. Зацепив, загнутой ручкой зонта, за воротник растянутой куртки бегуна, потянула к себе, тот и опомнится, не успел, как оказался возле неё. И пока пытался скинуть куртку, она размахнулась сумкой, в которой лежали продукты, включающие в список, приобретений в магазине, несколько банок вареной сгущёнки, любимую Игорьком. Для него родимого и купила. Пригодилась и для другого благого дела, опустившись на голову мужика. Что привело к падению не успевшего освободи-

даться от куртки, запутавшись в её рукавах. Упал ниц, распластавшись возле её ног. Хотел вскочить, да только был тут же вернут в прежнее положение методом: нажатия ноги на сопротивляющееся тело. А тут и омоновец подошел, скрутил мужика, да в подъехавшую машину, с надписью: «Милиция», затолкал. Опросил её как свидетеля, записав, в блокнот, адрес, распрощался. А через неделю её пригласили в управление милиции, где вручили грамоту и рубашку цвета хаки вот с тех пор, как она говорит: «...блузка для нее самое ценное и надевать ее будет только в самых торжественных случаях».

Вот и сегодня полюбовавшись на блузку надела, и стоя перед зеркалом, пригладила её на груди, поправляя воротник, прошептала:

– Медали за отвагу не хватает! Эх, Настенька! Игорек, ты готов? – крикнула она, выходя из комнаты. – Ну и молодца! – Увидев стоящего во всей красе внука, одетого в спортивный костюм и с сумкой на плече. – Кроссовки надевай! – скомандовала она.

Игорек, зная характер бабы Моти и то, что она не терпит промедлений: если в её голосе слышатся нотки командира, перечить и медлить не стоит. Мальчик тут же влез в кроссовки и стоял по стойке смирно, вытаращив глаза на бабулю:

– Готов, – гаркнул он, приложив руку к виску.

– К пустой голове руку не прикладывают... кепку на го-

лову... так... так, – баба Мотя озабоченно оглядывала полочку с обувью: – А, где мои топы?

– Так ты ж вчера бабе Вере дала дойти до дома...

– А-а, так она мне не вернула... ладно, – махнула она рукой, – вот эти, – беря туфли снохи Верочки, улыбнулась она.

– Бабуля, ты что? Ты ж не сможешь на них! Видела бы ты, как мама на полусогнутых в них ходит...

– Ничего и не в таких ходила! – похлопав внука по плечу и держась за него, натянула остроносые, на высоком каблуке туфли, шагнула. – Нормально, – пройдясь по коридору, еще могу! Ну, в путь, дорогой.

Дальнейшее происходило как во сне и не только для неё.

Глава 4

Первые ступеньки она преодолела без трудностей, но потом она уже не была так шустра. Держалась за перила. Ноги дрожали. Но бабе Моте не хотелось пасть лицом в грязь перед Игорьком. Она стойко выдержала это испытание. И наконец, преодолев два этажа пыток, оказалась на улице.

– Уф. Ты чего, Игорек? – видя, как с сочувствием на неё смотрит внук, – ничего первые шаги всегда трудны. Прорвёмся.

– Мотильда Абросимовна, вы куда это принарядились?

– Куда? Куда? – передразнила баба Мотя соседа Александра Петровича, – любопытный какой...

– Может, вас подвести, леди? – приоткрыв дверцу Жигулей, спросил мужчина.

Желание женщины было огромное, залезть в машину, вытянуть уставшие ноги и доехать до подруги без ощущения на ногах пыточной, для неё, обуви. Но тут у бабы Моти разыгралась гордость, и она поспешила отказаться.

– Нет, дорогой соседюшка, поезжай мы сами. Если что я тебе позвоню...

– Хорошо, Матильда Абросимовна, всегда рад услужить такой женщине...

– Простите, тороплюсь, – гордо вскинув голову, выпря-

мив спину, она прошла мимо улыбающегося мужчины. — Игорек, давай быстрее!

— Какая женищина! — услышала она.

От его слов чуть не упала, ноги вдруг заволновались и стали заваливаться: то налево — то направо, — Игорек, дай-ка мне руку. Что за мужик вечно под ногу говорит! Ой, газелька... — это надо было видеть с каким трудом она, переваливаясь с одной ноги на другую, бежала к микроавтобусу. — Слава Богу! — выдохнула облегченно женищина, падая на свободное место рядом с пареньком, прижав его к стеклу.

Проехав несколько остановок, с высунутыми ногами из туфель, она с сожалением затолкали их обратно: «в „Колodки“ — как она подумала о туфлях: — и как такое носят?»

— Игорек, тебе выходить. Как дойдешь, позвони. Закончится тренировки, позвони, встречу...

— Хорошо, бабулечка. Но мне кажется: лучше папе.

Игорек чмокнул Матильду Абросимову в щеку, выскочил из остановившейся маршрутки, которая после его выхода, тут же двинулась в путь...

Глава 5

Через полчаса Мотильда сидела за накрытым столом на кухне подруги Настасьи.

– ...ну, значит, Игорек то вышел, я туфельки (пропади они пропадом) надела... Чаёк у тебя вкусный, Настенька. Согласись, из самоварчика-то будет получше, чем из электрического чайника... как в детстве... – отхлебнув чай из блюдца, продолжила: – и, как Верочка на таких каблучищах передвигается? Удивляюсь я.

– Да как ты в них добрела? – прошептала, удивляясь подруга, держа туфли в руках и вертя перед глазами, – каблучища-то какие...

– Да вроде ничего... только со мной случилось... и смех, и грех... сейчас как представлю – смешно, а тогда страху натерпелась. Ну ладно, не перебивай. Ты ж видишь, что я в теле не худышка, а, когда я глянула на паренька, прижато мною, сердце сжалось. Так жалко его было, да только сделать ничего не могла. Если от него отодвигалась, на меня косилась соседка слева. Ну промучились мы. Сама знаешь, как маршрутки быстро ездят. На поворотах заносит, и мы заносимся друг на друга. Ой, а когда тормозит: мы с сиденья съезжали, приходилось возвращаться. А тут и твоя остановка, только я собралась выходить, парнёк-то и заторопился, видно приустал малец, выскочил, а тут у него из рук

папка выпала, он её поднял, выпрямился. В это время я ногу на асфальт поставила, да только под каблук камушек попал и не поверишь, если бы не малец! была бы встреча с асфальтом и, поверь, не только носом. Нога в сторону пошла, другая ещё на ступеньке. Я руки выставила вперед, готовилась уже упасть, да только паренек меня подхватил... и как удержал? Не понимаю... сам жив остался и меня от падения спас... повезло нам. За ним столб рекламный был. Он в него, видно, уперся задом... вот, и выстояли. Поблагодарили друг друга, как могли, и разошлись, как в море корабли. Хорошо Игорёк не видел моего позора. Со стыда бы сгорел. На каблуки большие не встану!

– И не надо, дорогая моя! – Настасья смотрела с сочувствием на подругу, которая улыбаясь проговорила:

– Насть, я ж знаю, у тебя есть туфли. У нас и нога одного размера. Эх, не быть мне больше: ни на каблуках, ни за рулём...

Старушки-веселушки

Маленький уральский городок. Дома, построенные почти на отвесных склонах гор и просто чудо, как они там вообще стоят. Дорога словно серпантин теряется среди домов. Вверх-вниз, налево, на право. Трамваи, машины, люди. Утром все спешат кто на работу, кто в школу. Родители ведут малышей в садик, все, как в других городах.

В один из таких дней две семидесятилетние пенсионерки собрались в центр города, на рынок. Стояли на трамвайной остановке.

— Валь, всё — таки хорошо, что мы на пенсии спим, сколько хотим, едем куда хотим, вот и сейчас. В трамвае надеюсь, будет свободно, что-то его не видать, — щебетала Клавдия, но заметив, что Валентина о чем-то задумалась и не слышит её, толкнула подругу, — Валя, ты что?

— А, что? Трамвай? Да, что-то задерживается, нет же, Клавдия, едет. — Проговорила Валентина.

— Ну, наконец-то, — обрадовалась Клавдия — ноги стали мерзнуть, — продолжала жаловаться женищина. — Трамвай новый я не смогу в него забраться, высоко, может, другой подождём?

— Ну, уж нет, на этом поедём! — взглянув на поникую Клавдию, Валентина поспешила ее успокоить, — не бойся, я помогу тебе. — Подталкивая спутницу к остановившемуся

трамваю. Дверь с грохотом отъехала в сторону.

– Ой, не могу! – вскрикнула Клавдия, хватаясь за дверь, пытаясь втащить себя в вагон.

– Можешь, можешь... – хохотала Валентина, подталкивая под зад подругу – ох, и тяжелая же ты, Клавка.

– Тебе помочь? – оказавшись в трамвае, Клавдия радостно спросила, протягивая руку подруге.

– Не надо, я как-нибудь сама.

Кое-как успели подруги подняться по ступенькам в вагон. Дверь захлопнулась, и трамвай тронулся. Женщины искали свободные места, меж тем трамвай набирал скорость.

– Клавдия, смотри вон двойное место. Пойдём?

– Конечно.

Женщины, держась за спинки сидений, качаясь из стороны в сторону, шли к своей цели.

– Я у окна. – Крикнула Валентина, – а то ты большая и мне не хватит места.

– Хорошо, маленькая ты моя! – отшутилась Клавдия, плюхаясь на сиденье рядом с Валентиной. —Тебе, как? – спросила подругу Валентина, почувствовав, что та пытается сесть поудобнее и все сильнее и сильнее прижимает ее к окну. – Ты сейчас выдавишь меня на улицу...

– Мне что-то не очень удобно, – хихикнула Клавдия – один окорочок не помещается, пересяду-ка я вон на другое место.

– Ну, и иди! – Обиделась Валентина, и уже поднявшейся с сиденья подруге, добавила: – Только смотри – не упади.

Трамвай мчался на спуске, вагон кидало из стороны в сторону, но Клавдия смело повторяя все движения вагона, успевая хвататься за спинки сидений. В этот момент трамвай дернулся, Клавдия просто рухнула на сиденье. Громко вздохнув, она прокричала подруге:

– До универмага?

– До рынка.

– Нет, туда далеко! – разворачиваясь всем телом, прокричала Клавдия.

– Как хочешь... – пробурчала Валентина, заметив, что пассажиры трамвая наблюдают за ними, отвернулась к окну

Клавдия видя, что подруга не обращает на неё внимания, решила пересесть к ней поближе.

– Валь, я сейчас поближе сяду.

– Сиди уж.

Но было поздно, Клавдия, кряхтя, встала и двинулась в обратном направлении.

– Клава, сядь, упадешь! – крикнула Валентина, видя, как подруга, выделывая пируэты, пытается пройти через вагон.

– Не каркай! – смеясь, ответила Клавдия, неожиданно трамвай резко затормозил – перед поворотом.

– Ой, – только и успела выкрикнуть Клавдия, распластавшись посередине вагона.

– Ах, ты... – вскочила Валентина, пошла на помощь по-

друге: — я тебе, что говорила, корова старая, — ворчала она, наклонившись над Клавдией, пытаюсь её поднять, — мне тебя не поднять, жрёшь много! Ой, в спину дало, помогите, кто-ни будь — держась за спину, крикнула Валентина.

— Отойди, старая! — раздался мужской голос. Женщина почувствовала, как её отодвигают.

— Ой, спасибо, сыночек! — запричитала Валентина.

— Потом скажешь. — Наклонившись над распластавшейся Клавдией, неожиданно громко проговорил:

— Ну, что коза, допрыгалась. — Подхватив женщину под мышки, поднял и бросил на ближайшее сиденье.

У Клавдии от удара только зубы щёлкнули; сумка, взлетев вверх, обвилась вокруг поручней под потолком.

Клавдия резко дернула, и освободившаяся сумка стукнула молодого человека по голове, тот, от неожиданности, опешил.

— Что это? Выражение благодарности? — удивленно глядя на смущенную Клавдию: — Там у тебя, что кирпичи? — потирая ушибленное место, спросил он.

— Не, там банка с супом! — прошептала женщина.

— И так не подъемная! — засмеялся паренек.

— Кто? — обиделась Клавдия.

— Ну, не я же.

Трамвай остановился. Незнакомец вышел и, не оглядываясь, помахал рукой прощаясь с весёлыми попутчицами.

— Спасибо — только и успела крикнуть Клавдия. Дверь за-

крылась. Трамвай продолжил свой путь.

Вдруг в тишине вагона раздался громкий смех, пассажиры, занятые своими думами и смотрением в окно, обернулись. Увидели, что Валентина держась за живот, истерически хохочет, удивлённо переглаживались, не понимая причины смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.